

Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер
В Шотландском замке
Серия «В царстве тьмы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657255

Аннотация

Жизнь мимолетна. При жизни нужно заботиться о душе, не погружать ее в сумерки беспутства, порока, неверия.

Об этом роман-трилогия «В царстве тьмы».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вера Ивановна Крыжановская В Шотландском замке *Оккультный роман*

«И отвечал сатана Господу, и сказал: разве даром Иов боится Бога? Не Ты ли кругом оградил его, и дом его, и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространились по земле. Но прости руку Твою и коснись всего, что у него: наверно он пред лицом Твоим отречется от Тебя».

Иов, 1, 10, 11 и 12.

Глава 1

Шел рождественский сочельник и на думской колокольне пробило половину шестого, погода стояла весь день сырая и холодная, а к вечеру с моря задул ледяной северный ветер и крупные мокрые хлопья снега как иглами хлестали лица прохожих. Однако, несмотря на такое ненастье, в Гостином Дворе перед Рождеством была толкотня, и петербуржцы, богатые и бедные, сустились, делая праздничные покупки. В мерцавшем свете электрических фонарей, затянутых точно

дымкой пеленой падавшего снега, сновали во всех направлениях кареты и сани, собственные и извозчичьи. В галереях, наоборот, лился потоками свет, озаряя, как днем, богатые зеркальные стены магазинов и нагруженных пакетами озабоченно сновавших людей. Под сводами кое-где разместились женщины и дети, скромно торговавшие дешевкой для елки: золотыми и серебряными нитями, стеклянными звездами, деревянными игрушками и т. д.

На углу Невского и Перинной улицы, против часовни Спасителя, прислонясь к столбу стояла молодая и бедно одетая девушка, внешностью своей привлекавшая уже, однако, внимание многих проходивших мужчин. Поношенная, вышедшая из моды бархатная кофточка обрисовывала стройную фигуру, а из-под потертой меховой шапочки выбивались на лбу и висках завитки черных, как смоль, волос. Матово-бледное и теперь посиневшее от холода лицо было очень своеобразно и дышало мрачной решимостью, а на бледных губах ротика застыло в настоящую минуту горькое, почти страдальческое выражение. На руке она держала салфетку с вышитыми разноцветным шелком в русском вкусе полотенцами, обрамленными прошивками с кружевами по краям. Бедная девушка, очевидно, изнемогала от усталости: окоченевшие синие руки ее дрожали, и она больше жестами, чем словами, предлагала свой товар, но суетливая и равнодушная толпа проходила мимо, едва взглянув на товар. Отчаяние сменилось в ней апатией и в этом состоянии полного

безразличия она не замечала, что какой-то господин, стоя в нескольких шагах от нее, упорно ее разглядывает.

Это был моложавый человек в дорогой шубе, но мертвенная бледность лица и ввалившиеся глаза указывали на его болезненное состояние. Он медленно и уныло бродил под колоннадой, и вдруг молодая девушка привлекла его внимание. С первого же взгляда он понял, что перед ним не обычная бедность, а что какое-нибудь роковое обстоятельство привело сюда эту очаровательную, несомненно аристократическую девушку; притом она не была испорчена, судя по тому, что честно мерзла тут, продавая остатки былой роскоши, вместо того, чтобы кататься в коляске, продавая свою выдающуюся красоту. После минутного раздумья незнакомец подошел к ней.

– Вы продаете эти полотенца? – спросил он глубоким, звучным голосом.

Она вздрогнула и подняла на него молящий, измученный взгляд.

– Да. Ради Бога, купите хоть одно из полотенец и дайте, что хотите. Я, право, совершенно изнемогаю, – ответила она устало.

– Я вижу это с сожалением и удивляюсь, что вы не искали более прибыльного занятия. Вы, очевидно, принадлежите к интеллигентному классу, получили, вероятно, образование, которое и должно бы дать вам сколько-нибудь обеспеченное положение.

– Это правда и мы, к несчастью, разорены. Но я действительно получила хорошее воспитание, знаю французский, немецкий и английский языки и надеялась зарабатывать хлеб. Однако, несмотря на все старания, мне не удалось найти работу: везде все занято, все переполнено. Кто беден и не имеет протекции, тот всюду натывается на грубый отказ, – с горечью закончила она.

Видя, что незнакомец молча обдумывает что-то, она прибавила умоляюще:

– Ради Бога, купите хоть что-нибудь!

– Конечно, я куплю. Дайте мне, пожалуйста, полотенце, а кроме того, позвольте предложить вам работу. Не желаете ли занять у меня место чтицы? Не опасайтесь ничего и не предполагайте что-нибудь нехорошее. Я очень болен, страдаю болезнью сердца, и просто ищу образованную особу, которая могла бы читать мне на иностранных языках. Вознаграждение: пятьдесят рублей в месяц. Обдумайте и может быть сойдемся. Вот мой адрес и деньги за покупку.

Достав бумажник он вынул визитную карточку и деньги, которые протянул продавщице. После этого он жестом подозвал следовавший за ним экипаж, сел в карету, и резвые кони умчали его.

Изумленная молодая девушка стояла с минуту неподвижно и следила глазами за удалявшимся экипажем, но порыв ледяного ветра вернул ее к действительности.

«Ах, если бы он дал мне хоть три рубля», – с дрожью по-

думала она и стала спешно завертывать свой товар. Затем она подошла к одной из витрин и чуть не вскрикнула, когда разглядела данные ей деньги: у нее в руке была сторублевая бумажка.

«Не ошибся ли он?» – с испугом спрашивала она себя, – «Да нет. Ведь он не спеша вынул из бумажника карточку и деньги. Нет, нет, это великодушный дар».

Счастливая, позабыв холод и все невзгоды тягостного дня, она вошла в магазин игрушек, купила куклу и ящик с красками, разменяла сотенный билет и стала делать дальнейшие покупки: косынку, теплые перчатки, маленькую елочку, бон-боньерки, золотые орехи и лакомства, а также запаслась чаем, кофе и какао. Видно было, что она привыкла хорошо жить и потому покупала не стесняясь. Истратив рублей двенадцать и не будучи в состоянии нести все пакеты, она позвала извозчика.

В одном из кварталов на окраине города извозчик остановился перед небольшим деревянным домиком. У калитки девочка лет двенадцати, в старом, дырявом клетчатом платке прыгала с ноги на ногу, чтобы согреться.

– Ах, барышня, вот и вы, наконец. Уж как мы беспокоились, барыня даже плакала, потому думала, не случилось ли с вами какой беды. Батюшки, сколько пакетов вы привезли, и даже елку! То-то у нас будет радость! – воскликнула девочка, вся сияя.

– Скорее, Катя, пока я расплачусь с извозчиком, ты снеси

часть пакетов: тут и для тебя есть кое-что. Я иду следом за тобой.

Отдав деньги вознице и захватив остальные свертки, она вошла во двор, а там направилась к маленькому флигелю, в первом этаже которого виднелись три неосвещенных окна. На лестнице ее встретил мальчик лет тринадцати и поспешил освободить ее от свертков.

– Ты, значит, спустила все полотенца, если привезла столько всякой всячины. Но как долго ты не возвращалась, с десяти часов утра.

– Да, мне посчастливилось. А у нас еще темно?

– Да ведь керосина нет, и я голоден: мы весь день ничего не ели, – грустно ответил мальчик.

– Знаю, знаю, Петя, но зато теперь мы хорошо поужинаем. Вот пока пять рублей, сбегай, купи керосина, дров, хлеба и сосисок.

Мальчик полетел стрелой, а прибывшая вошла в комнату, где ее ожидали мать и сестренка лет восьми.

– Как я беспокоилась о тебе, Мэри. Ведь целый день тебя не было, – сказала пожилая дама, целуя дочь. – Но зачем ты так много израсходовала? – прибавила она, увидев разложенные на столе Катей пакеты.

– Не беспокойся об этих тратах, мама, я купила только полезные вещи. После я расскажу тебе все, а теперь думаю только как бы согреться: я замерзла. Вот выпью немного мадеры и вас всех угощу.

Через полчаса веселый огонь трещал в печи, на столе горела лампа и вся семья, сидя за самоваром, с наслаждением пила и ела. Напившись чаю, Мэри послала брата с девочкой-прислугой закупать на следующий день мясо и все остальное для обеда, а с ними отправилась и маленькая Нита.

Когда дети ушли, Мэри стала помогать матери украшать елку и рассказала свое приключение в Гостином Дворе.

– Благослови Господь этого доброго человека! Его предложение было бы для нас, конечно, счастьем, если он действовал без задней мысли: а я боюсь, не кроется ли тут что-нибудь грязное, – заметила Суровцева.

– Я не думаю этого, мама. Он казался человеком зрелых лет и, во всяком случае, очень большим, с впалыми глазами и бледным, точно восковым, лицом. Да ведь у меня есть его карточка: посмотрим, кто он.

Она сходила за своей сумочкой и достала из нее визитную карточку, которую осмотрела с матерью, а затем прочла:

«Оскар Ван-дер-Хольм.».

– Имя ничего не говорит, а вот тут что-то странное, – заметила Суровцева, указывая внизу карточки на черные пятиконечные звезды, повернутые вершиной вниз, с адресом в середине: «Каменный остров, собственный дом».

– Это, вероятно, какой-нибудь чужак и, возможно, ему действительно нужна чтица и секретарь. Несомненно у него доброе сердце, и я думаю, что на второй день праздника ты

можешь письменно спросить, когда он примет тебя.

– Хорошо, мама. Ведь неразумно было бы не попытаться даже воспользоваться таким выгодным занятием.

Воодушевленные новой надеждой, мать с дочерью принялись усердно приводить в порядок квартиру, состоявшую из крошечной темной кухни и двух маленьких, почти пустых комнат. Когда же вернулись дети с провизией, то все уже приняло праздничный вид: елка весело горела, освещая разложенные под ней подарки и сласти, и давно уже бедная семья не ложилась спать сытой, счастливой и полной надежд на будущее.

Скажем несколько слов о предшествовавшей полосе в жизни несчастной Мэри Суровцевой, которую судьба так жестоко поразила, отняв у нее сразу любимого человека, состояние и общественное положение. Тотчас же по переезде в глухой переулок Выборгской стороны из роскошной квартиры, где много лет жилось привольно и счастливо, Анна Петровна серьезно заболела, а крошечные, оставшиеся после погрома средства ушли на доктора и аптеку.

Оправлялась она медленно, и началось полное лишений унижительное прозябание, постигающее многие разоряющиеся семейства, которые, будучи выброшены за борт своей среды, носятся еще некоторое время, если есть сила бороться, никому не нужные по мутным волнам жизни пока те окончательно не захлестнут их.

Для «света», в котором жили Суровцевы, они действи-

тельно исчезли и «пошли ко дну», но вместе с тем, в отношении таких людей, которые, потеряв прежнее общественное положение, представляли собой лишь докучную обузу и внушали опасение – не пришлось бы о них заботиться и помогать им, встали во всей своей наготе эгоизм, черствость и бесцеремонная подлость людская. Никто не пожелал даже узнать, как и где устроились несчастные, а те застыли, словно в немом оцепенении, которое нарушала порой лишь какая-нибудь новая беда.

Едва стала подниматься с постели Анна Петровна, как ей пришлось взять сына из кадетского корпуса.

Самолюбивый мальчик не мог сносить сострадательского отношения товарищей, быть нищим там, где его знали богатым и куда он возвращался из отпуска в собственном экипаже. Кроме того, он воспитывался на свой счет, а платить значительную по их настоящему положению сумму было уже не из чего. Уступая настоятельным просьбам сына, Суровцева взяла мальчика домой, и это отозвалось на их скромном бюджете.

Мэри считала себя глубоко несчастной после смерти Заторского. Но когда она очутилась в убогом домишке Выборгской стороны и нужда стиснула ее своей железной лапой, лишь тогда поняла она, что существует горе еще страшнее. На нее напал точно столбняк: она не могла даже плакать и иногда днями просиживала у окна, сухими глазами глядя на грязный узкий двор, где шумно играли дети дворника и

жильцов, преимущественно рабочих.

Но Мэри была натурой гордой и энергичной. Лишь только она заметила, что из немногого оставшегося у них одна вещь за другой исчезает в ломбарде, то пересилила себя, стряхнула мертвенную апатию и решила работать.

Легко было прийти к такому решению, но вовсе нелегко привести решение в исполнение. Чтобы трудиться, надо, разумеется, найти работу, что бывает весьма затруднительно в большом городе, где предложение труда обычно превышает спрос. Не будем подробно описывать изнурительное и напрасное хождение по разным местам, грубые отказы или грязные предложения, которые приходилось выслушивать молодой девушке. Словом, она дошла уже почти до полного отчаяния, когда случайно явилась помощь.

Однажды Мэри встретила свою бывшую преподавательницу французского языка. Это была девушка лет тридцати пяти, некрасивая и болезненная. Своим трудом она содержала мать и сестру-калеку. Хорошо зная нужду и тернии борьбы за существование, та горячо сочувствовала несчастной семье. Анна Петровна всегда была добра к ней и вместе с дочерью много дарила старой матери и больной сестре учительницы. Теперь она обрадовалась, увидев бывшую ученицу, и через несколько дней навестила их. Узнав, что Мэри ищет работу, она обещала достать через знакомых переводы и сдержала слово. Обрадованная удачей молодая девушка принялась за работу и переводила для редакции журнала

современные романы или выдержки из иностранной прессы. Работы было много, а вознаграждения до смешного малы, но все-таки это было лучше, чем ничего. Вместе с тем Анна Петровна, при посредстве той же доброй души, нашла работу – вышивание для магазина, и они кое-как зажили. Хуже всего оказалось то, что будучи всегда богаты и привыкнув много проживать, ни мать, ни дочь не умели устроиваться и не знали, как жить на маленькие средства. Иногда в один день тратилось вдвое против того, на что семья имела право, зато на другой не хватало необходимого. Кроме того, немилосердно эксплуатировался труд бедных женщин, не имевших ни житейской опытности, ни смелости протестовать против самых бессовестных требований. Но, увы, относительное довольство их длилось немного более года, а затем снова посыпались беды. Первой была смерть Аксиньи, делившей все их невзгоды: она простудилась, схватила тиф и в несколько дней умерла в больнице. Закрылся журналчик, и Мэри потеряла заработок. Потом их добрая учительница получила место в провинции и уехала со своими, и в заключение, у Анны Петровны сделалось воспаление глаз, и она не могла работать. Нужда, во всем ее отвратительном образе, водворилась в их бедной квартирке, и в озлобленной душе Мэри закипела буря. За минувшее время она вынесла немало булавочных уколов в виде встреч с бывшими «друзьями», проносившимися мимо нее в каретах и не кланявшимся ей, а если кто и узнавал, то всегда были так «заняты», так спе-

шили, что едва здоровались и никогда не приглашали к себе. Но более всего возмутил ее следующий случай.

Года три или четыре перед тем знакомая дама, находясь временно в затруднительном положении, заняла у Суровцевой триста рублей, обещая вернуть через два месяца. Расплата не была произведена, и Анна Петровна забыла об этом долге. Вдруг случайно она нашла среди старых бумаг письмо этой дамы, благодарившей ее за исполнение просьбы с обещанием вернуть как можно скорее. Обрадовавшись, и в полной надежде, Анна Петровна написала об этом должнице, прося вернуть хотя половину.

Мать и дочь рассчитывали, что покроют этими деньгами необходимые расходы, но полученный ответ ошеломил их. В возмутительно грубых выражениях эта дама заявила, что в назначенный срок уже заплатила, но, не ожидая бесстыдного вымогательства по прошествии четырех лет, не обеспечила себя распиской. Если бы у нее попросили помощи, она охотно послала бы небольшую сумму, но теперь, боясь попасть опять в какую-нибудь ловушку с такими «бесцеремонными людьми», она просила не обращаться более к ней ни с какими посланиями.

Бешеное, горькое озлобление охватило сердце Мэри, а ее прежняя наивная вера сменилась глухим ропотом против Бога и судьбы. За что судьба била ее? Что сделала она, чтобы заслужить такое жестокое наказание Неба? В то время, как ее прежние подруги порхали с бала на бал, с одного веселья на

другое, окруженные роскошью и поклонниками, она загнана в какой-то чулан, нуждалась в необходимом и работала, как каторжник, рискуя умереть с голода и холода... И ее душу наполнила ненависть к подленькому, узко себялюбивому обществу, которое забыло их, вычеркнув из своей среды, и ко всем тем блестящим кавалерам, будто бы любившим ее, любовь которых улетучилась вместе со ста тысячами, назначавшимися ей в приданое. Как баловень счастья, она не была готова к выпавшей на ее долю тяжелой борьбе, и настоящее считала адом, а будущее казалось ей безысходной пропастью.

Приближалось Рождество, но светлый, знаменующий сошествие на землю Божественного вестника любви и мира праздник, который должен был внести радость и свет, являлся для Суровцевых пыткой, а единственным исходом была смерть. Все источники существования были истощены: за квартиру не плачено два месяца, дрова кончились и наступал канун праздника, когда уже невозможно было найти какие-нибудь занятия. Домохозяин объявил, что если к первому января не заплатят хоть половину, то он их выгонит: значит, они очутятся на улице. С горькими слезами осматривала Мэри свое незатейливое имущество: не найдется ли чего продать или заложить.

Деревянный ящичек с различными памятными вещами, карточками, безделушками, пасхальными яйцами и т. д. она отодвинула не открывая, и вдруг, на дне корзины, под раз-

ными тряпками нашла полдюжины полотенец тонкого полотна, вышитых разноцветными шелками и отделанных кружевом. Мать вышивала их к ее дню рождения, когда ей исполнилось семнадцать лет, в приданое, и Мэри жалела сперва расстаться с ними, а потом среди всяких передрыг забыла о них. Теперь она решила продать их, даже если ей дадут только третью часть стоимости, по два рубля за штуку, на двенадцать рублей они просуществуют праздники. Сейчас было уже поздно, но завтра, в сочельник, она пойдет в Гостиный Двор и постарается сначала продать полотенца в магазин, а если это не удастся, то попробует предложить встречным прохожим, которых в такой день будет множество. Мрачная, желчная и озлобленная, села она у окна и глубоко задумалась: предстоящее завтра путешествие словно железным кольцом сжимало ее гордое и мятежное сердце, а к нему приливали воспоминания и причиняли ей почти физическую боль.

В былое время Рождество являлось самым радостным праздником. Ей виделась большая зала, уставленная золоченой мебелью, обитой белым атласом с розовыми цветами, и она украшала елку. Потом вспоминала поездки в карете в Гостиный Двор за покупками: но при этом она бывала так озабочена, что равнодушно проходила мимо бедняков, стоявших у колонн и предлагавших прохожим свой убогий товар. У нее никогда не находилось лишних денег для покупки его у этих обиженных судьбой людей, днями стоявших

на морозе в надежде заработать гроши на хлеб. А что, если завтра себялюбивые люди будут также равнодушно проходить мимо, не взглянув на ее полотенца? Придет ли кому-нибудь из них в голову, что во тьме грядущего таится неведомая Немезида, которая, может быть, также заведет их под эти своды, чтобы подвергнуть той же пытке, которая ожидает ее?.. Тяжело вздохнув, Мэри закрыла лицо руками. В продолжение этих двух мучительных лет она о многом передумала, но только не о Боге: горячий порыв к Отцу небесному и святым, покровителям всех страждущих, ни разу не согрел ее изболевшее, измученное сердце. Наоборот, она укорила Небо в несправедливости и жестокости: в ней кипели ненависть, возмущение и невыразимая горечь. В таком душевном состоянии и отправилась она на следующий день в Гостиный Двор, где роковой случай должен был столкнуть ее с Ван-дер-Хольмом.

Ответ на письмо Мэри не заставил себя ждать. Ван-дер-Хольм извещал, что послезавтра ждет ее от часа до четырех. В назначенный день Мэри надела свое траурное платье, купленное утром, новые перчатки и отправилась с братом, чтобы ей не ехать одной: Петя должен был сопровождать сестру и ждать у входа.

Путь был дальний и место уединенное. Указанный дом стоял в конце переуллка, обрамленного садами дач и деревянными заборами вдоль пустырей. Это было большое каменное здание, со всех сторон окруженное обширным садом. Из-

возчик остановился у массивной бронзовой решетки, откуда широкая аллея, тщательно выметенная и усыпанная песком, вела к крыльцу. На видневшихся через осыпанные снегом ветви окнах были опущены красные шелковые шторы, а некоторые были снабжены железной решеткой. На всем доме лежал отпечаток унылой грусти.

– Странная фантазия у богатого человека: спрятаться в такую трущобу, – прошептала Мэри, с беспокойством оглядываясь. – Ходи взад-вперед, чтобы не простудиться, Петя, а я постараюсь вернуться как можно скорее.

Калитка у ворот была отворена. Мэри быстро прошла довольно длинную аллею и позвонила у входной двери. Над электрической кнопкой была медная табличка с надписью: «Оскар Ван-дер-Хольм, доктор теософии».

Минуту спустя массивная дверь отворилась, и лакей в темной изящной ливрее впустил ее в вестибюль. Это был уже пожилой человек с тощим, скуластым лицом, седой бородой и темными проницательными глазами: Мэри даже вздрогнула под их острым, испытующим взглядом. Пока слуга снимал с нее пальто Мэри с жутким чувством осматривала окружающую обстановку.

Прихожая была довольно большая, и стены были покрыты старыми, темными обоями. Вокруг на колоннах виднелись темные бронзовые бюсты сатиров, горбатых уродов и головы животных. Чувствовался удивительно едкий и пронизывающий запах. В глубине комнаты лестница с бронзовой ре-

шеткой и устланная черным ковром вела в верхний этаж, но слуга ввел гостью в боковую дверь первого этажа и прошел с нею небольшую, с красной обстановкой залу и библиотеку, судя по высоким резным шкафам и стенным полкам с книгами. Наконец, он отворил тяжелую дубовую дверь, приподнял массивную портьеру с бахромой и Мэри, пораженная, остановилась на пороге. Ей показалось, что она перенеслась в кабинет доктора Фауста, каким его изображают на сцене. Деревянная обшивка покрывала стены, мебель была готической, портьеры, подушки на мебели и скатерти на столах фиолетового плюша. В углу, на широком черном цоколе красовалась в натуральную величину статуя Сатаны, сидевшего на скале. Его глаза из зеленого стекла были удивительно жизненны, а лицо дышало истинно демоническим, глумливо-жестоким выражением. Через высокое готическое окно с цветными стеклами просвечивал луч земного солнца, блестя на разных частях странных предметов, нагроможденных на обширном письменном столе, перед которым в кресле с высокой спинкой сидел хозяин.

Он встал, чтобы приветствовать свою гостью, и протянул ей руку, но Мэри вздрогнула от его холодного пожатия, с любопытством всматриваясь в него. Теперь он казался ей выше ростом и моложе, нежели в шубе. Это был человек не старше сорока лет, худой и хорошо сложенный, с красивым и правильным лицом, восковую бледность которого еще ярче оттеняли черные волосы. Выражение больших, опущенных

густыми ресницами глаз было загадочным, зато на бесцветных губах играла приветливая улыбка.

– Милости прошу, – сказал он, указывая Мэри место. Когда же она пробормотала несколько благодарственных слов за его щедрый дар, он перебил ее – Пожалуйста, не говорите о таких пустяках. Если я могу такой мелочью доставить вам какие-нибудь удовольствия, то бесконечно счастлив. Приступим к делу, – прибавил он дружески. – Вы ищите занятий, я предлагаю вам место чтицы, так как мои глаза скоро утомляются. Но я должен предупредить вас, что я оккультист и читаю исключительно сочинения по магии. Я чрезвычайно интересуюсь этими таинственными науками, трактующими о потустороннем мире и неведомых силах природы. Подобно Гамлету, я полагаю, что меж небом и землей существует многое, о чем даже и не подозревают присяжные «ученые». Но мне, однако, было бы неприятно присутствие при моих занятиях заведомо неверующего, какова в большинстве наша современная молодежь: они смеялись бы надо мною под сурдинку и считали сумасшедшим. Признаюсь даже, что по этим соображениям я искал именно женщину и желал иметь чтицу. Вы видите, что я совершенно откровенен. Итак, если высказанное мною предложение вас не коробит, мы можем быть добрыми друзьями.

– Отнюдь нет, и мне вовсе не будет неприятно читать книги по оккультизму: наоборот, я всегда интересовалась такими увлекательными вопросами. Могу еще прибавить,

что года два тому назад я была свидетельницей чрезвычайно странных, даже можно сказать невероятных оккультных происшествий, и до сих пор еще не смогла найти им объяснение. Может быть вы как специалист в этих таинственных делах иногда разъясните мне то, что я буду читать по вашему указанию, а еще более я буду вам благодарна, если вы растолкуете мне те странные и страшные явления, которые я видела.

— Превосходно. Я даже думаю, что какой-то добрый гений направил меня навстречу вам, — в восхищении воскликнул Ван-дер-Хольм... — Конечно, я объясню вам все, что вы пожелаете, и радуюсь, что у меня будет с кем поговорить. Что же касается виденных вами явлений, вы подробно расскажете мне о них, и мы тщательно все обсудим. Признаюсь, для моих занятий самыми драгоценными являются факты, переданные достоверными свидетелями: такие факты легче осветить и объяснить, нежели печатные рассказы. Ввиду всего этого надеюсь, Мария Михайловна, что вы не откажетесь также быть моим секретарем. Я люблю диктовать выводы моих работ, но, поверьте, я не злоупотреблю вашими силами.

— И вы также будьте уверены, что я сделаю все возможное, чтобы угодить вам.

— Значит, дело решено и вы становитесь моей секретаршей и чтицей. Но раз вы берете на себя двойную обязанность, то совершенно справедливо удвоить и вознагражде-

ние. Я даю вам сто рублей в месяц, в праздничные же дни вы свободны, конечно.

Мэри чувствовала себя на седьмом небе и благодарила со слезами на глазах. Тут же они порешили, что занятия начнутся со следующего понедельника, т. е. дня через три, и будут продолжаться с трех часов дня до девяти вечера. Узнав адрес Мэри, Ван-дер-Хольм заметил:

– Вы живете очень далеко, а мой дом в глухом месте, и было бы рискованно молодой девушке ходить вечером одной. Но вот что я предложу: мой экипаж почти всегда свободен, так как я очень редко выезжаю, и потому я буду присылать его за вами и отвозить домой. Таким образом, ваша матушка будет спокойна.

Когда, прощаясь, Мэри пожала холодную руку своего нового патрона, та же ледяная дрожь пронизала ее.

«Он, должно быть, очень болен и кто знает, долго ли я буду иметь такой хороший заработок?» – грустно подумала она.

Глава 2

В назначенный день экипаж Ван-дер-Хольма остановился у домика Суровцевых, и Мэри села в него, сопровождаемая изумленными взглядами домашних и скромных обитателей дома.

Мэри была счастлива и спокойна, зная, что семья сыта, печь натоплена и домохозяин не придет оскорблять ее мать и грозить выгнать их на улицу.

Однако, когда она осталась одна на целый день с новым хозяином, сердце ее сжала тоска. Но Ван-дер-Хольм был так спокойно сдержан и вместе с тем так предупредительно вежлив и любезен, что она успокоилась, думая только, чтобы хорошо исполнить свою работу.

Продиктовав несколько писем и затем нечто вроде статьи о сомнамбулизме в состоянии глубокого гипноза, по заметкам из разных тетрадей, Оскар Оттонович сообщил ей о своем намерении издать общедоступный труд по оккультным наукам и неведомым силам природы.

— С этой целью, — добавил он, — я хочу прежде всего подобрать по главам готовый уже, но разбросанный в виде множества заметок, материал. Мы будем также делать выдержки из разных книг, которые я намерен прочесть, а для этого, Мария Михайловна, потрудитесь пройти со мной в библиотеку.

К удивлению Мэри, они направились не в библиотеку около кабинета, а в смежную комнату с противоположной стороны.

Короткий зимний день угасал, уже стемнело и Ван-дер-Хольм зажег электричество. С трусливым любопытством оглядела Мэри странное помещение.

Комната была просторная, а стены уставлены полками с книгами, новыми и старинными. В одном углу помещалась маленькая печь, с ретортами и кубами, наполовину задернутая черной занавесью, а посередине стоял большой круглый стол, заваленный книгами и журналами. Несомненно, что только невропат, подобный странному хозяину дома, мог приятно проводить время среди таких страшных украшений, какие увидела Мэри. У двери в соседнюю комнату стояли два скелета, и блестящая белизна костяков особенно ярко выделялась на черном фоне бархатных портьер. Один из скелетов держал в костлявых руках поднос с графином и стаканом, а второй – фонарь. В пустых глазницах горели красные электрические лампочки, и зловещим пурпуром освещали утопающую в тени часть комнаты.

Хозяин дома, казалось, не замечал панического ужаса, ясно отражавшегося на бледном лице молодой девушки. Он спокойно уселся и стал перелистывать книгу, а Мэри не посмела сделать замечание и молча села. К счастью она была спиной к скелетам, но в ту же минуту снова вздрогнула. Из-под стола появился огромный черный кот и, вскочив на руч-

ку кресла хозяина, уставился на нее своими фосфорически блестящими глазами.

– Боже мой, какой страшный, злобный взгляд у этого животного, и выражение почти человеческое, – заметила Мэри, невольно отворачиваясь.

На лице Оскара Оттоновича скользнула загадочная усмешка.

– Вы находите? – спросил он, поглаживая кота.

После этого кот вспрыгнул на спинку и там примостился, а Мэри принялась за книгу.

Интерес, возбужденный чтением и усиленный объяснениями Ван-дер-Хольма, так поглотил ее внимание, что она забыла все, возбуждавшее только страх.

В семь часов они перешли в нарядную столовую и сели за стол, накрытый для двоих, уставленный дорогим хрусталем и серебром. Все было превосходно приготовлено, однако, Мэри ела мало.

Неизвестно почему, ее вдруг охватила смутная тоска, лишившая аппетита.

После обеда возобновилось чтение, а в девять часов лакей доложил, что экипаж подан. На прощание Ван-дер-Хольм передал ей конверт.

– Ваше жалованье. Я плачу всегда вперед, – вежливо пояснил он.

Так однообразно тянулись месяцы, и Мэри понемногу привыкла к странной атмосфере дома: скелеты и даже кот

уже не пугали ее, к оккультным же занятиям она пристрастилась и все с большим жаром увлекалась удивительным, открывавшимся перед ней неведомым ранее миром. Мало-помалу она становилась храбрее, а благосклонность Ван-дер-Хольма, его радушие и видимое удовольствие, с которым он развеивал ее сомнения, придавали ей смелость задавать ему вопросы.

Как-то после обеда Ван-дер-Хольм дружески заметил:

– При нашем первом свидании, Мария Михайловна, вы сказали мне, что были свидетельницей интересных оккультных явлений и желали бы иметь им объяснение. Откровенно говоря, мне не хочется сегодня заниматься: Не желаете ли вы рассказать мне, что вы видели, а потом мы это обсудим.

– Очень благодарна вам, – ответила довольная Мэри, и описала происшествие в Вальденбурге: появление чучела тигра, который, полз к ней, рыча и лязгая зубами. А затем рассказала про таинственную смерть Карла и, наконец, появление рыцаря – вестника смерти и несчастья для семьи Козен.

Ван-дер-Хольм слушал весьма заинтересованно, задавая вопросы и, расспрашивал о мельчайших подробностях.

– И вы говорите, что тигр погиб таинственно, убитый словом или взглядом йога? – спросил он.

– Так, по крайней мере, говорил барон, упомянув вместе с тем, что подобное животное приносит счастье тому, кто им владеет.

Ван-дер-Хольм кисло улыбнулся.

— Так полагают, но я думаю, что бывают исключения, — сказал он. — Зельденбургский тигр принадлежит, очевидно, к вампирам низшего разряда.

И он добавил краткое разъяснение о свойствах вампиров, о материализации и т. д., а Мэри с трепетом слушала его. Все, что он рассказывал про общение живых с миром невидимым и о материализации, в связи с тем, что она прочла уже из той же области, будило в ней страстное желание испытать на деле услышанное. Воспоминание о Заторском все еще тлело в глубине ее сердца, хотя свалившиеся на семью беды, изнурительный труд и разные заботы притупили отчасти это чувство, но все же оно продолжало жить. И вот теперь проснулось стремление: увидеть любимого человека или еще раз услышать его голос, хотя бы из могилы — это все же убедило бы ее, что она не забыта; или повидать горячо любимого отца. Это страстное желание так ясно читалось в ее выразительных глазах, что Ван-дер-Хольм спросил, улыбаясь:

— У вас удивительно красноречивый взгляд и в нем я прочел уже просьбу. Говорите же откровенно. Чем могу я быть вам полезен? Будьте уверены, что если это в пределах моих сил, я с удовольствием исполню ваше желание.

— Вы угадали, Оскар Оттонович, — ответила покрасневшая Мэри. Я хотела бы обратиться к вам с просьбой и боюсь быть нескромной, но ваша доброта поощряет меня. Скажите же

мне вы – несомненно очень знающий в магии: можно ли вызывать умерших и материализовать их, как вы говорили и о чем говорится в переписываемых мною трактатах?

– Конечно. И я могу вызывать в случае необходимости.

– Ах! Если вы можете, Оскар Оттонович, то вызовите, пожалуйста, моего несчастного отца, а кроме того еще того, кто был мне дорог и считался моим женихом, но погиб, расплачиваясь за совершенную ошибку.

– В настоящее время я еще слаб, – ответил Ван-дер-Хольм, с минуту подумав, – но я постараюсь исполнить ваше желание и завтра попытаюсь вызвать.

– А кто же будет медиумом? Или у вас уже есть такой?

– Много путей ведут в Рим, мой юный друг, а вызывания при посредстве медиумов являются весьма несовершенным средством, к которому прибегают лишь невежды в магии. Для знающего формулы гораздо лучше сделают все необходимое, не прибегая к жизненной силе живого: тем более, что последнее средство дает лишь несовершенную материализацию. Только предупредите завтра вашу матушку, что вернетесь позже обыкновенного.

На следующий день они работали как всегда, но Мэри чувствовала тяжесть во всем теле, а после обеда у нее дважды было головокружение.

– Вам нездоровится, Мария Михайловна, и ожидание волнует вас, но так как мне не хотелось бы лишать вас обещанного вызывания, то советую слегка отдохнуть; – дружески

сказал Ван-дер-Хольм. — Идите в гостиную подле столовой, лягте на диван и полежите спокойно: это успокаивает нервы и облегчает голову. В свое время я за вами пришлю.

Мэри поблагодарила и ушла в названную комнату, но пролежав минут десять на мягком, удобном диване она глубоко заснула, и разбудил ее пришедший за нею человек. Сконфуженная Мэри вытерла лицо одеколоном и пошла следом за лакеем, который провел ее прямо в лабораторию.

Ван-дер-Хольм ожидал ее там, но теперь на нем был средневековый костюм: черное шелковое трико и такого же цвета камзол, на стальной шейной цепочке висел красный треугольник острием вниз, а на груди камзола были вышиты красная звезда и адамова голова.

Когда лакей ушел, он отворил искусно скрытую в обоях дверь, попросил Мэри следовать с ним и ввел ее в небольшую круглую залу, которую лампа в потолке заливала фиолетовым бледным светом. Зала была почти пустая и лишь по обеим сторонам двери стояли шкафы черного дерева, а на противоположной стороне несколько ступенек вели в широкую и глубокую нишу, осененную балдахином. В глубине ниши виднелся покрытый белой скатертью стол, на который Ван-дер-Хольм выложил разные, вынутые им из захваченной с собой корзины, вещи. К удивлению Мэри тут были кусок сырой говядины, миска, налитая до половины густой черноватой жидкостью, и кусок коричневого теста, которое она было, приняла за пряник. Посередине залы, против са-

мой ниши был устроен обитый красной материей престол, на котором лежала какая-то книга в черном кожаном истертом переплете с металлическими углами, и стояли два семирожковых шандала, один с красными, а другой с черными свечами. По обе стороны престола были расставлены четыре бронзовые жаровни, наполненные углями, на которые Ван-дер-Хольм положил сухие травы, вынутые из шкафа, полил их из взятой оттуда же склянки, осыпал белым порошком и зажег. Взвились густые клубы острого и удушливого дыма.

Ван-дер-Хольм поднялся в нишу, в ее глубине толкнул словно дверь и будто исчез в толще стены. Теперь Мэри с удивлением заметила, что за нишей зияло туманное, неопределенное пространство, озаренное зеленоватым светом, где клубились облака. Но Ван-дер-Хольм скоро вернулся, встал перед столом и начал громко читать кабалистические формулы, рисуя в воздухе разные знаки, которые вспыхивали на мгновение, а затем с треском гасли. Наконец, он трижды вызвал: «Михаил!»

Облачное пространство потемнело и точно закипело, затем на зеленовато-облачным фоне появился черный, испещренный красными зигзагами шар, а по зале пронесся порыв холодного ветра. Шар быстро вращался, постепенно раздаваясь, принял, наконец, человеческий облик и Мэри узнала отца, нагнувшегося над столом и пожиравшего приготовленную там провизию. Полунагое тело его представляло полуразложившийся труп, а потемневшее лицо с вытаращен-

ными глазами было перекошено, как у повешенного. Кошмарное воспоминание об ужасной смерти отца нередко мучило Мэри. Но в мужественной, стойкой душе это оцепенение мгновенно прошло.

– Папа, папа!.. Какой у тебя жалкий вид. Должно быть, ты очень страдаешь? Что бы мне сделать для тебя...

Она хотела сказать: «Я буду молиться за тебя Богу», но в этот миг судорога сжала ей горло, губы не могли шевельнуться, а голову пронизала жгучая боль.

– От него самого зависит сносная жизнь, если он примет на себя служение властителям тьмы, – произнес Ван-дер-Хольм. – Дух Михаила, хочешь ли ты сбросить с себя свое разлагающееся тело, не томиться голодом, словом, не испытывать больше мучений, присущих существам земным? Твоя астральная жизнь после самоубийства представляет истинную пытку. Земля и мир тебя забыли, а Небо считает недостойным поднять до себя. Значит, одни только владыки тьмы тебя поднимут, примут и облегчат твои страдания, но чтобы приобрести их покровительство, ты должен будешь отречься от света и работать во мраке, который принадлежит им.

Дух корчился и глухо стонал: по-видимому, в нем происходила тяжелая, отчаянная борьба. Вдруг он решительно выпрямился и мрачно сказал:

– Я устал страдать... Я согласился служить тьме.

Тогда Ван-дер-Хольм вынул из-под книги диск, начертил

посередине чем-то красным повернутый вниз треугольник и приказал:

– Иди и становись на этот диск.

Тяжело сойдя со ступеней, страждущий дух встал на треугольник.

– Теперь повторяй за мной: «Клянусь в верности семи князьям адовым (следовали имена). Клянусь, что с этой минуты буду ненавидеть все, чему поклонялся, и поклоняться всему, что прежде осуждал».

В этот миг из круга пахнуло пламя и окутало тело, которое корчилось и трещало, словно горело, клубы черного, зловонного дыма наполнили комнату. Но в короткое время все прояснилось и улетучилось, а с диска сошел человек, которого уже ничто не отличало от живых. Это был Суровцев, одетый, по обыкновению, в черный изящный костюм, но его лицо было мертвенно-белым, а в глазах светилось мрачное и жестокое выражение. Он остановился в двух шагах от дочери, скрестил на груди руки и как-то странно посмотрел на нее.

– Спасибо, Мэри, что подумала обо мне. Только зачем тебе было вызывать меня при посредстве этого могучего колдуна? Но, что сделано, того не вернешь, и лучше быть демоном, чем мучиться, как я перед тем.

Немая от страха, Мэри не верила глазам во время происходившей сцены. Теперь она с тоской глядела на отца, стоявшего перед ней, как живой. Но она, однако, не кинулась ему на шею как ей страшно перед тем хотелось: отец внушал ей

теперь непреодолимый ужас. Но долго размышлять не пришлось, потому что Ван-дер-Хольм властно крикнул:

– Исчезни и ступай в сатанинский город. Там ты найдешь, где отдохнуть, и работу.

Темное облако окутало призрак, а когда туман рассеялся, Суровцева уже не было. Сердце Мэри усиленно билось, дышалось ей с трудом, и она, шатаясь, прислонилась к стене, а Ван-дер-Хольм снова принялся за обряд вызывания и в эту минуту громко кричал:

– Вадим! Вадим!.. Вадим!..

Но на этот раз ничего не случилось и стояло полное молчание. Видимо удивленный, вызыватель снова начал ритуал. Тогда появилось волосатое существо с лицом, похожим на обезьянье. Ван-дер-Хольм приказал ему немедленно привести вызываемого духа. Демоническое существо скрылось, а колдун снова принялся за свое дело. После того, как он в девятый уже раз громко прокричал имя «Вадим», широкая полоса голубоватого света прорезала воздух и перед Мэри всплыло фосфоресцирующее облако, среди которого обозначился бюст Заторского: он прижимал к груди сиявший крест и смотрел на нее полными любви глазами, не подернутыми тоской.

– Мэри, Мэри!.. Беги из этого злополучного места. Ведь ты же теперь во власти демонов, – слышался знакомый ей дорогой голос.

В тот же миг она увидела, что Ван-дер-Хольм полетел с

раздирающим душу криком, а голова Заторского исчезла. Затем она увидела, хотя неясно, как из ниши хлынули какие-то странные существа – полулюди, полужвери – и послышалась бурная разноголосица, но Мэри уже теряла сознание и, наконец, рухнула на пол...

Наутро она проснулась в своей постели. Она чувствовала себя усталой и мало-помалу стали просыпаться воспоминания о пережитом накануне, но о том, как попала домой, она не имела представления. Заметила, что мать ничего не говорит. Мэри спросила служанку, в котором часу она вернулась, а та – добродушная и глуповатая девка – не задумываясь пояснила:

– Должно, около половины двенадцатого. Вы сказали барыне, что устали хотите кончить спешную работу, а опосля того легли.

«Как это странно, – раздумывала Мэри. – Я совершенно забыла, как вернулась домой, и едва помню только, что присутствовала на вызывании папы и Вадима. Что я видела голову Вадима Викторовича, – это несомненно, а что он сказал потом, не могу припомнить. Надо будет попросить разъяснения у Оскара Оттоновича».

В течение двух дней карета не приезжала за ней. Но как только она опять увидела Ван-дер-Хольма, то обратилась с просьбой сказать ей, что происходило во время вызывания и, в особенности, что говорил ее покойный жених, так как она, к своему прискорбию, почему-то помнит все очень слабо.

– Мой юный друг, – смеясь ответил он. – Вы просили вызвать вашего отца и жениха, что я вам и обещал, но в тот день вам нездоровилось и вы даже прилегли в гостиной на диван, припомните. Затем вы уснули и я, конечно, запретил нарушать ваш сон, а когда вы уже поздно проснулись, то немедленно уехали домой. Тем не менее, воображение было возбуждено, и вы во сне видели вызывание и появление дорогих вам людей. Поэтому, несмотря на всю мою готовность, я не могу объяснить вам то, что вы видели во сне. Настоящее вызывание мы попытаемся провести в другой раз, когда я буду здоровее, да и вы тоже. Надеюсь, что два дня отдыха вас вполне укрепили.

Мэри была смущена его ответом, так как отчетливо помнила, что ей нездоровилось, и она пошла в гостиную, где уснула. Однако с этой минуты намерение испробовать вызывание возбуждало в ней непреодолимое отвращение, а воспоминание о виденном будто бы сне тоже бледнело, и вскоре осталось лишь неясное впечатление о том, что она видела голову Заторского и слышала его голос.

Между тем жизнь шла обычным чередом, а Мэри читала, переводила или писала под диктовку Оскара Оттоновича продолжение его будущего сочинения. Как-то раз она была одна в кабинете, разыскивала на письменном столе какую-то заметку, и взгляд ее упал на стоявшую в углу статую сатаны. Ее всегда поражала необыкновенная жизненность лица этого каменного Люцифера, но никогда еще, как в эту мину-

ту, она не чувствовала, что это живые глаза, смотревшие на нее с язвительной насмешкой. Чтобы вернуться в библиотеку, Мэри следовало пройти мимо статуи, и она на минуту остановилась, чтобы рассмотреть ее. К своему величайшему удивлению она заметила, что статуя сделана не из бронзы и не из мрамора, как всегда предполагала, а из какого-то неизвестного вещества, покрытого тонкой, бархатистой, но густой шерстью. Сверкавшие зеленые глаза смотрели на нее с угрюмо-лукавым выражением. Не доверяя себе, Мэри тронула рукой ногу статуи и ясно ощутила под пальцами мягкую шерсть животного, несомненно, существа, в жилах которого была кровь. В то же время по руке и пальцам пробежал град жгучих уколов. Она глухо вскрикнула, откинулась назад и упала бы, не поддержи ее сильная рука. Это был Ван-дер-Хольм, загадочно смотревший на нее.

– Эта статуя – электрический аппарат, и вы, вероятно, дотронулись до какой-нибудь пружины. Кроме этого, ваши нервы несколько возбуждены в этой оккультной атмосфере, – сказал он глухим голосом.

Мэри встрепелась и покраснела.

– Извините меня за глупый испуг, но скажите, пожалуйста, Оскар Оттонович: сами вы верите ли всему, что мы читаем в этих страшных книгах? Правда ли, что существует демонический мир? Имели ли вы хоть раз доказательство его существования? Видите ли вы что-либо «сверхъестественное»?

– Да, мир сатанинский существует со всеми его странными формулами и вызываниями. Каждая из этих формул нечто иное, как электрическая кнопка, которая звонит в потусторонний Мир, а когда ее нажимает знающая рука, то она приводит в движение соответствующие невидимые силы.

Разговаривая, они вернулись в библиотеку.

– Мария Михайловна, – внезапно обратился он, прислонясь к столу, – хотели бы вы сделать шаг вперед, научиться управлять таинственными силами? Она заманчива, эта наука, предоставляющая в распоряжение человека страшные силы, могущие доставить ему богатство, власть, возможность мстить и силу повелевать, вместо того, чтобы повиноваться самому. Итак, хотите ли вы быть могущественной, навсегда покончить с борьбой и лишениями, иметь в своем распоряжении гениев, которые будут исполнять каждое ваше приказание и удовлетворять всякое желание? Словом, желаете ли вы вступить в тот странный, страшный, но чарующий мир, который охраняет дракон у порога?

Мэри слушала, терзаемая сомнением, желанием и страхом.

– Я хочу... но боюсь, – пробормотала она нетвердым голосом.

– О, страх можно побороть! – возразил Оскар Оттонович, загадочно улыбаясь.

Он подошел к резному с перламутровой инкрустацией столику, достал из него футляр красной кожи и открыл его. В

нем была пентаграмма с красной и черной эмалью, висевшая на тонкой, золотой цепочке, и кольцо с ониксом, на котором был выгравирован кабалистический знак.

– Страх – просто нервное чувство, а эти два талисмана – бесспорное средство против нервной слабости. Хотите их иметь?

– Очень хотела бы, потому что всей душой жажду быть посвященной в оккультную науку, но я не могу принять драгоценные вещи, – нерешительно прошептала Мэри.

– Мне они не нужны и я давно победил страх, – ответил Ван-дер-Хольм.

Он надел цепочку на шею Мэри, и она почувствовала, что по ее коже пробежала ледяная дрожь, а когда он надел ей на палец кольцо, она ощутила как бы ожог раскаленным железом. У ее ног словно раскрылась мрачная бездна, голова закружилась, и она потеряла сознание. Открыв глаза она увидела себя в кресле, а Оскар Оттонович давал ей вдыхать из флакона. Но Мэри совершенно оправилась, приятная теплота разливалась по жилам, и она быстро поднялась.

– Я веду себя непозволительно, и вы не захотите иметь такую ученицу, – с беспокойством проговорила смущенная Мэри.

– Нисколько. Маленькая слабость очень естественна для впечатлительной натуры. И если этот случай не привел вас в уныние, то это доказывает, что у вас все данные для того, чтобы распоряжаться в оккультном мире. Сейчас мы прове-

дем первый опыт. Хотите видеть движение неодушевленных предметов?

– Пожалуйста. Мне хочется испытать, буду ли я на этот раз смелее.

Ван-дер-Хольм взял в руки короткую узловатую палочку, которую всегда носил на шее, начертал в воздухе знак, произнес непонятную формулу, а потом крикнул:

– Гей, скелет, подойди, поклонись барышне, и подай ей чашу амброзии!

Минуту спустя послышался шум костей, сопровождавшийся отдаленным смехом, и один из скелетов направился к ним твердым шагом и поклонился. Потом он встал на колени перед Мэри, откупорил графин с золотой пробкой и налил в маленький стаканчик густую, как мед, жидкость с одуряющим ароматом.

Мэри глядела широко открытыми глазами, но без страха, который естественно было бы испытывать. Она даже смело разглядела, что в глазницах черепа были не электрические лампочки: в них горело странное, дымившееся пламя. Мэри не заметила, что Ван-дер-Хольм не сводил с нее глаз, и под действием его упорного взгляда она взяла машинально стакан и выпила из него. Вкус у жидкости был едкий, и Мэри показалось, что по ее жилам прошла огненная струя. Ее голова закружилась, и она смутно почувствовала, что Оскар Оттонович прижался своими ледяными губами к ее горевшим устам, но это впечатление было так мимолетно, что она

не могла дать себе отчет, действительно ли он целовал ее. Когда же она подняла на него глаза, он стоял на прежнем месте, бледный и бесстрастный, как всегда, и только в темных глазах светилось выражение страсти с оттенком жестокости.

Глава 3

С этого дня Мэри овладело странное и новое для нее состояние: лихорадочное любопытство и ненасытное желание учиться, чтобы все дальше проникать в таинственные области.

Ван-дер-Хольм также внушал ей новое чувство: он ей нравился и она желала его любви, но сердце ее оставалось холодным, одни лишь чувства были возбуждены, внушая ей мысли и желания, пугавшие ее. В это время она сделала странную находку.

Мы говорили, что в тот день, когда Мэри осматривала старую корзину и нашла полотенца, которые произвели переворот в ее жизни и направили ее на иной путь, она отставила в сторону, даже не открыв, ящичек с памятными вещами. Надо добавить, что теперь, благодаря жалованию Мэри и отдельным работам в виде переписки, переводов и т. д., которые Ван-дер-Хольм щедро оплачивал, нужда сменилась скромным достатком. Они сняли небольшую приличную квартиру, просто, но с некоторым комфортом, меблировали ее, взяли прислугу и с Наташей приходила заниматься немка, а с Петей – студент. Семья ожила, а Мэри любила украшать свое скромное гнездышко. И вот, устанавливая купленную недавно этажерку, она вспомнила о ящичке и безделушках, хранившихся в нем. Но каково было ее изум-

ление, когда на дне, под пасхальными яйцами, рамками и другой мелочью, она нашла завернутое в шелковую бумагу ожерелье, подаренное ей на прощание баронессой Козен.

Мэри с любопытством и негодованием осмотрела драгоценность. Ведь в то время, когда они страдали от холода и голода, какую поддержку оказала бы им эта вещь, продай они ее в ту пору... После смерти отца, в самый разгар обрушившегося на них несчастья, Мэри даже забыла о существовании этого подарка ненавистной женщины, разбившей ее счастье, а потом она думала, что ожерелье продано с аукциона на покрытие долгов вместе с другими серебряными и золотыми вещами. Но каким образом попала эта вещь в старый ящик вместе с прочей мелочью – оставалось для нее непонятным.

По некотором размышлении она решила показать ожерелье Ван-дер-Хольму: он, знаток в произведениях искусства, оценит вещь и научит, как лучше продать ее, потому что ей сама мысль хранить воспоминание о баронессе Козен была отвратительна.

Оскар Оттонович с особенным вниманием и видимым интересом осмотрел ожерелье.

– Знаете, Мария Михайловна, что этот, по вашему мнению, «драгоценный камень» представляет человеческое сердце, настоящее сердце, приведенное в состояние окаменения каким-то неизвестным мне способом, но который я очень хотел бы узнать. Не менее любопытно узнать, зачем

это странное сердце приделано к ожерелью, между прочим, очень древнему, и также, каким еще более удивительным образом эта вещь попала в собственность баронессы.

Бледная Мэри смущенно слушала его.

— А! Теперь я припоминаю, где видела ожерелье: это украшение Кали, а та ведьма ограбила статую богини, чтобы наградить меня ужасной вещью. Кто знает, какой фанатик посвятил свое сердце своей кровожадной богине! Я брошу ожерелье в Неву, — добавила она с отвращением.

— Что вы, что вы! Это было бы варварством с вашей стороны. Бросать в воду такую редкость и драгоценность? Ее стоит сохранить хотя бы ради того, чтобы найти химический секрет такого необыкновенного способа окаменения. А раз вы хотите его продать, то я покупаю его, Мария Михайловна.

Очень довольная, Мэри согласилась, а когда Ван-дер-Хольм вручил ей тысячу рублей, она не помнила себя от радости. Столковавшись с матерью, она решила положить эти деньги в сберкаассу: пока у них было чем жить, а этот капитал будет запасным на случай смерти Оскара Оттоновича, если бы не удалось быстро найти другую работу.

Горячо и упорно продолжала она занятия под руководством Ван-дер-Хольма, а прежняя вежливая сдержанность сменилась полудружеской интимностью, никогда, однако, не переступавшей границ приличия. И вот, войдя однажды к нему, Мэри была поражена больным видом учителя: он тяжело дышал, по временам прижимая к груди или горлу ру-

ки, а порой невыразимое страдание искажало судорогой его бледное, мертвенное лицо.

– Может быть, вы не расположены сегодня работать? Мне кажется, вам следует отдохнуть. В таком случае, я приду завтра, – сказала Мэри.

Он сделал отрицательный жест и продолжал диктовать, но вдруг откинулся, мучимый конвульсиями. Он старался сорвать воротник, а из уст его вырывался странный свист и клокотание, точно вода вытекала из бочки. В эту минуту на него кинулся кот и вцепился лапами в горло. Оскар Оттонович отбивался, а во время борьбы упал с кресла и катался по полу, силясь оторвать душившее его животное.

– Оставь меня, исчадие ада! Дай мне выйти из этого блуждающего трупа! – рычал Ван-дер-Хольм, корчась, точно на горячих углях.

Ошеломленная, смотрела Мэри на эту ужасную сцену, не зная, что делать и как помочь несчастному, но в эту минуту в библиотеку вбежал лакей, неся кусок черного сукна с вышитыми серебром кабалистическими знаками. Он схватил кота за шиворот и отшвырнул в другой конец комнаты, где мерзкая тварь упала замертво, вытянув окоченелые лапы. Затем лакей накрыл Ван-дер-Хольма сукном и, пожав плечами, обратился к Мэри:

– Успокойтесь, барышня, у барина сильный сердечный припадок. Обожающий его кот в таких случаях всегда бросается на него, а потом со страху лежит, какдохлый. Вот ка-

кое животное! Понимает ведь, что может лишиться своего хозяина. Я прикажу подать карету, а вы, барышня, потрудитесь пройти в залу, я должен помочь больному. Если же за вами завтра не приедут, значит барин еще слишком слаб для занятий.

Только на четвертый день после этого случая приехал за нею экипаж, но минувшие три дня были удивительно тяжелы для Мэри. Образ Ван-дер-Хольма, как кошмар, преследовал ее и, сверх того, мучила необъяснимая жалость и жгучее желание видеть его. Ночью ей слышался будто голос, звавший ее, и ее сердце тревожно билось. Эта внутренняя тревога была для нее еще и тем тяжела, что она должна была скрывать ее от окружающих. Она никогда не говорила матери, что очертя голову бросилась в изучение темной области магии, боясь волновать больную из-за страшного вынесенного ею удара и жизненных лишений, тяжело отразившихся на Суровцевой и маленькой Наташе, вообще слабой и малокровной.

С тяжелым сердцем, мучимая тоской, от которой трепетала каждый раз, вошла Мэри в таинственный дом.

Ван-дер-Хольм принял ее в библиотеке. Он сидел в кресле, бледный и осунувшийся, точно призрак, а лихорадочно блестящие глаза его глубоко впали. Кот был на своем месте, на спинке кресла. Мэри выразила свое живейшее сочувствие.

— Разве нет средств, чтобы облегчить вашу страшную бо-

лезнь? – спросила она, дружески пожимая его влажную, ледяную руку.

Горькая усмешка искривила губы Оскара Оттоновича.

– Если даже такое средство и существует, то его трудно достать.

– Что же это за лекарство? – удивленно спросила Мэри.

– Смерть. Только она избавит меня от моих телесных страданий. Если бы я мог умереть... но я этого не могу!..

– Не можете умереть? Почему? Как можете вы быть лишены конечного освобождения, дарованного каждому Божьему творению! – возразила Мэри, смотря в красивое, мертвенное, искаженное страданиями лицо собеседника с любопытством, подернутым чувством страха и сожаления.

– Тсс! – произнес Оскар Оттонович, поднимая свою прозрачную, точно восковую руку. – Не произносите здесь никогда этого имени. Разве вы не понимаете, что здесь вы находитесь в области врага Неба? – Он стремительно встал и легкий румянец покрыл его бледные щеки.

– Мэри, освободите меня! Я завещаю вам все: мое имя, богатство, знание: все, все! Вы навсегда избавитесь от бедности, а я облеку вас в страшную мощь за бесценное благодеяние – дать мне умереть, выйти из этого обреченного разрушению тела и избавиться от переживаемых мною страданий. Увы! Ведь я же не всегда был проклятым и только нужда да голод толкнули меня в ад.

При этих словах кот вскочил, изогнул спину и зарычал со

свистом, а зеленоватые глаза его сверкнули адской злобой и точно метнули искры.

Ван-дер-Хольм пришел в страшное раздражение.

– Молчать, чудовище!. – крикнул он, поднимая сжатый кулак и делая знак, фосфорически блеснувший в воздухе..

Кот пронзительно взвизгнул, а хвост и вся шерсть его встали дыбом, потом он пластом упал на ковер, вытянулся и замер.

– Что это за подозрительное животное? Точно в него вселился дьявол, – вздрогнув, заметила Мэри.

Не отвечая на ее вопрос, Ван-дер-Хольм упал перед ней на колени, схватил ее руки и привлек к себе. Все его существо дрожало, губы тряслись, а глаза горели.

– Сжальтесь, Мэри! Вы любите меня, я знаю: так освободите же меня и будьте моей наследницей!

Мэри сначала молчала, парализованная точно пронизывающим ее огненным взором. Затем она почувствовала, будто жизнь уходит из нее, а взамен охватывает неведомая сила, убившая волю и наполнившая не испытанным чувством любви и жалости к человеку, в отчаянии валявшемся у ее ног. Под влиянием этого, непонятного ей чувства, она прошептала:

– Хорошо, я согласна!

С диким криком радости и торжества он вскочил на ноги и до боли сжал руку Мэри.

– Вы не отступите?

– Нет, – прошептала она, бледнея и волнуясь.

– Благодарю! А теперь, дабы вы не думали, будто я хочу обмануть вас ложными обещаниями, уверяя, что оставляю вам огромное богатство, я покажу вам часть моих сокровищ.

Он подошел к высокому резному шкафу и нажал пружину. Шкаф тихо повернулся на невидимых петлях, открывая дубовую дверь, тоже с секретным запором. Оскар Оттонович отворил ее, зажег свечу, и они по винтовой лестнице спустились в узкий, сводчатый коридор, в конце которого находилась дверь с железными засовами, украшенная посередине большой черно-красной эмалевой пентаграммой и кабалистической надписью.

Когда он отпер дверь, зажглась лампа, осветив небольшой подвал, наполненный самыми разнообразными предметами. В глубине помещался высокий и объемистый несгораемый шкаф, а в нем рядами хранились мешки с золотыми монетами всех стран и портфели с бумагами, предоставлявшими собою документ на собственные дома во многих европейских столицах, а также чеки разных иностранных банков на сумму, по крайней мере, около двух миллионов рублей, и разные меньшие обязательства. По стенам размещались сундуки и столы со шкатулками и ящиками различной величины, а в них хранились сокровища другого вида: золотые вещи, большей частью старинные, драгоценное оружие и шитые золотом и серебром шелковые материи, каких более не делают, изумительно прозрачные ткани – не то шелк, не то

кисея – тонкие, как паутина, и с редкими вышивками, будто работа фей, наконец – баснословной цены уборы.

И посильнее, чем у Мэри, голова была бы поражена и очарована виденным. Дрожащими руками, с блестевшим взором, перебирала и рассматривала она диадемы, ожерелья и подвески, рубины, изумруды, бриллианты, сапфиры, жемчужные нити и т. д. Все, что таилось в душе ее – гордость, жажда наслаждения, властолюбие и даже месть, – все всплыло и охватило ее.словно в волшебном фонаре с быстрой мысли проносились в ее памяти все унижительные сцены, следовавшие за их разорением, презрение, грубая беззастенчивость прежних «друзей», словом, все булабочные уколы, от которых страдаешь, как от удара ножа. Вооруженная этим богатством и собранными здесь сокровищами, да еще той оккультной, неуловимой, но страшной силой, могущество которой Мэри уже сознавала, как сумеет от отомстить, кровавыми слезами отплатить за презрение и двусмысленные улыбки. Целый поток злобы и гордости ударил ей в голову, возбуждая ее сильную и страстную натуру.

Прислонившись к стене, скрестив на – груди руки, внимательно следил Ван-дер-Хольм за игрой ее впечатлительного лица, и загадочная улыбка скользила по его губам.

Закрыв последний ящик, Мэри обернулась к нему. Глаза ее блеснули и мрачная, но могучая сила слышалась в голосе, когда она сказала, протягивая ему руку:

– Свободно и добровольно принимаю я наше соглашение.

Я делаюсь вашей наследницей и дам вам желанную свободу.
— Благодарю. Можете ли вы сегодня же повторить это обещание перед невидимым главою сил, которые будут служить вам?

— Да, — решительно ответила она.

Уже наступил вечер, когда они вернулись из подвала. Осмотр сокровищ занял много времени, но они не стали обедать, так как Оскар Оттонович объявил, что следует поститься до вызывания, которое наступит между одиннадцатью и двенадцатью часами.

Сначала Мэри смущала мысль обеспокоить мать столь поздним возвращением, но она решила придумать какой-нибудь предлог.

Когда часы пробили полдвенадцатого, Ван-дер-Хольм взял Мэри за руку и повел ее к двери, по сторонам которой стояли скелеты.

За дверью открылся коридор, слабо озаренный красным светом, а затем, они спустились по лестнице и тайным уже ходом дошли до круглой залы, освещенной фонарем, тоже красным.

Ван-дер-Хольм зажег два факела, которые укрепил в стене, и тут Мэри увидела, что стены подземелья обиты черным сукном, расшитым красными кабалистическими знаками и буквами, но дверь, через которую они вошли, уже нельзя было различить. У одной из стен стояло что-то вроде накрытого черным сукном престола, а на нем виднелся семирожко-

вый шандал с черными восковыми свечами. Посередине залы были расставлены, в виде треугольника, жаровни с сухими травами.

Ван-дер-Хольм зажег свечи, потушил принесенные факелы и встал с Мэри в середине треугольника, образованного жаровнями.

– Где мы и что вы будете делать? – с дрожью спросила Мэри.

– Молчите. Мы в храме сатаны, а теперь становитесь на колени, чтобы воздать дань уважения царю преисподней, – ответил Оскар Оттонович, до боли сжимая ее руку.

Мэри безропотно покорилась, а Ван-дер-Хольм достал с груди жезл и принялся вращать его над головой, затянув мерную, своеобразную песню.

Через несколько секунд красное дымное пламя вспыхнуло на конце жезла, и он очертил их обоих кругом, который сверкнул в воздухе. Тем же таинственным огнем он зажег жаровни, загоревшиеся желтыми, зелеными, фиолетовыми огнями, распространяя острый, удушливый запах. В это время Ван-дер-Хольм проворно принялся снимать с себя платье, которое выкидывал за круг, и вдруг перед испуганной Мэри оказался в виде служителя тьмы.

Его высокую, стройную фигуру облегалo черное, волосатое трико, из-за плеч торчали небольшие зубчатые крылья, а над головой из волос поднимались красные, точно раскаленные, рога. При этом, казалось, он даже помолодел: его глаза

сверкали и весь он сиял мрачной красотой.

– Азрафиль! – три раза во все горло крикнул он, чертя в воздухе фосфорически горевшие призывные знаки.

Минуту спустя издали донесся шум, а затем глухой удар грома, и в зале засвистел точно ураган. Носились бурные порывы ледяного ветра и потрясали стены, огнистая молния сверкала в как-то сразу потемневшем воздухе, над треножниками за клубилось черное облако и стало быстро сгущаться. Наконец молниеносный зигзаг ударил в землю уже около вызывателя и тотчас по ту сторону фосфорического круга появилась человеческая фигура.

Появившееся из неведомого пространства существо было мужчиной высокого роста, худым, стройным и юношески ловким. У него была черная, покрытая шерстью кожа и правильное, надменное и зловеще-прекрасное лицо. Большие, сапфирового цвета глаза пристально смотрели на Мэри жгучим, дышавшим глумлением и жестокостью взглядом.

Ван-дер-Хольм упал на колени.

– Могуущественный владыка, я нашел заместительницу, которая будет служить и повиноваться тебе так же, как и я, беспрекословно. Она принимает мое наследство, будет заведовать моими демонами и даст работу твоим слугам.

Таинственный посетитель протянул волосатую руку, а Ван-дер-Хольм схватил руку Мэри и соединил их со слезами:

– Клянись в верности, преданности и послушании Азра-

фили, князю легионов адовых!

Голова Мэри закружилась, и она лишилась сознания.

Очнувшись, она оказалась в библиотеке, и голова ее была тяжела, а тело точно разбито. Она отчетливо помнила сцену в подземелье, но не могла уяснить себе: снилось ли все это ей или она действительно видела сказочного «князя тьмы».

Ван-дер-Хольм дал ей выпить стакан вина, что успокоило ее и подкрепило. Не теряя времени она вернулась домой. К ее великому удивлению входная дверь была приотворена, и все домашние спали так крепко, что никто из них не заметил ее прихода, а когда на утро Мэри проснулась довольно поздно, то ни мать, ни сестра не расспрашивали ее. Она решила в душе, что тут действовала оккультная сила.

Лишь день спустя за Мэри приехал экипаж, и когда она вошла в библиотеку, Ван-дер-Хольм сказал ей дружески:

– Теперь, милый друг, до вашего высшего посвящения и моей смерти нам надо привести в порядок все светские дела. Для того, чтобы вы могли беспрепятственно наследовать мое имя и состояние, вы должны считаться моей женой.

Мэри покраснела.

– Но как же мы обвенчаемся, если вы говорите, что не можете войти в церковь?

Слабая усмешка скользнула по лицу Оскара Оттоновича.

– Мы обойдемся без этой процедуры. Принесите мне вашу метрику, а я в скором времени принесу вам вполне законно составленное брачное свидетельство. Равным образом я

передам и завещание, помеченное следующим за нашей свадьбой днем, которое утвердит за вами все права на наследование моим состоянием. Пока я буду устраивать эти два дела, вам следует также заняться вашими семейными делами. При вашем посвящении и в ближайшее за ним время вас не должны стеснять ни ваша матушка, которая, по вашим словам, очень набожна, ни брат и сестра. По моему мнению, следует всю эту публику куда-нибудь пристроить, а чтобы денежный вопрос не затруднял вас, вот на первое время пятнадцать тысяч рублей.

Он подал ей бумажник, но Мэри побледнела при его словах. Мысль расстаться со всеми, кого она любила, болезненно сжала ее сердце, но ее решительная и сильная натура быстро поборолa это чувство. Отступать она не могла, потому надо было подчиниться тому, что от нее требовали.

– А после я могу с ними видаться? – после минутного раздумья спросила она.

– Разумеется, и не только видаться, а даже жить с ними, если пожелаете.

– В таком случае, в виду сильной болезни мамы и малокровия сестры, я временно поселю их где-нибудь на юге, а Петю помещу в учебное заведение, в какой-нибудь пансион.

– Превосходно, а так как посвящение произойдет за границей, то вы можете поселить родных в Италии. Подробности вы обсудите после, а теперь поговорим о себе и поближе познакомимся друг с другом. Опишите мне свою жизнь до

момента нашей встречи, а потом я скажу вам какое стечение обстоятельств сделало меня тем, чем я стал...

– Я охотно передам «обыкновенную историю» нашего разорения, – ответила Мэри и сжато, но не опуская ничего, поведала известную уже читателю полосу ее молодой, но насыщенной тяжкими испытаниями жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.